

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР
МОСКВА

9 ДЕКАБРЯ 1930 г. № 58 (95)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25. Дом Герцена. Телефон: 2.80.12.

БУДЕМ БДИТЕЛЬНЫ

Пролетарский суд вынес свой приговор тем, кто пытается сорвать изнутри наша социалистическое строительство. Вынесен приговор тем, кто пытается отдать страну Советов на разграбление международному империализму. Вынесен приговор тем, кто пытается уничтожить все завоевания нашей революции, кто хотел уничтожить огромнейшее, недавно в истории человечества культурное движение масс. Салютом интервенции Рамзини хотели задушить нашу революционную культуру, нашу революционную науку, нашу революционное искусство. Только цепью уничтожения миллиардов рабочих и крестьян, только цепью поголовного уничтожения первых слов рабочего класса и крестьянства можно было остановить наше движение. Рамзини это знали. Рамзини шли на это сознательно. Этому они готовы были платить за поддержку интервентов. Потрошители культуры, Пуанкаре-вона, генералы-организаторы милитаризма, русские боярьи-«ученые» Рамзини обединились для того, чтобы задушить революцию, истребить все, что есть жизненного и передового в Союзе Советских Социалистических Республик, чтобы раздробить страну и превратить ее в ко-лонию международного империализма... Деятели «промпартии» разоблачены пролетарским судом, они наказаны и изолированы.

Агенты Торгпрома и империалистической Франции признали свою вину перед пролетарским судом, «разоружили свою контрреволюционную организацию...» (из постановления ЦИК ССР от 8 декабря).

Пролетариат обезвредил сознавшихся и раскаивающихся преступников.

Спомина еще одна попытка, — не первая и не последняя контреволюционеров-вредителей. Будем бдительны. Будем зорки. Не будем забывать, что вредители и контрреволюционеры не оставят свою попытку, ибо наши успехи — это их гибель, ибо наша жизнь — это их смерть. Капитализм умирает, но он еще сильен. Капитализм побеждает, но он будет сопротивляться до последней минуты.

С необычайной остротой стоит теперь вопрос о том, что быть на стороне социализма значит не только «сочувствовать» ему, не только «соглашаться» с ним, но и БОРТЬСЯ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ. С необычайной яростью обнаруживаются сейчас классовые противоречия действительности, — два мира противостоят друг другу, надо стать на определенную сторону, нельзя оставаться нейтральными, не dando никакого третьего пути!

Наша литература должна осуществлять такую перестройку своих рядов, которая приведет бы к искоренению сплневных пакистанских иллюзий и

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СОЮЗА ССР

Заслушав поступившие 8 декабря ходатайства о помиловании приговоренных специальными присутствиями Верховного суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации, так называемой «промпартии», к высшей мере социальной защиты — расстрельте:

РАМЗИНУ Леониду Константиновичу, ЧАРНОВСКОМУ Николаю Францевичу, КАЛИННИКОВУ Ивану Андреевичу, ЧАРНОВСКОГО Николая Францевича, КАЛИННИКОВА Ивана Андреевича, ЛАРИЧЕВУ Виктора Алексеевича и ФЕДОТОВУ Александру Александровну, а также 10-летнему лицу, лишенному свободы очкинина, Владимира Ивановича, СИТИНУ Константина Васильевича и КУПРИЯНОВУ Сергея Викторовича.

и принял во внимание, что

1) осужденные не только сознались и раскаивались в совершенных ими преступлениях, но своими показаниями на предварительном и судебном следствии разоружили свою контрреволюционную организацию, являющуюся агентурой и исполнительной директивой интервенционистских и военных кругов правящей буржуазии Франции и их припадка в виде Торгпрома — обединения бывших крупных русских капиталистов в Париже;

2) советская власть не может руководствоваться вообще чувством мести, в особенности в отношении обезвреженных, сознавшихся и раскаивающихся преступников.

БЫТЬ НА-ЧЕКУ!

Судебный процесс «Промпартии» с предельной ясностью показал, ВОПЕРВЫХ, какой железной, всесокрушающей силой обладает рабочий класс и его коммунистическая партия; ВО-ВТОРЫХ, с поразительной яростью вскрыты связи «отечественной» контрреволюции с международным империализмом; В-ТРЕТЬИХ, теперь сплошь видна подлинная классовая борьба в нашей стране и ее силы, которая пытается противостоять силе рабочего класса; В-ЧЕТВЕРТЫХ, в свете процесса «Промпартии» вскрылась подлинная роль и

значение право-«левых» уклонов от генеральной линии нашей партии.

Как же вывод можно сделать из этих показателей?

1) С ликвидацией «Промпартии» еще никому не покидается «отечественная» контрреволюция.

2) С раскрытием интервенционистских планов еще не устранена сама интервенция, а поэтому пролетарскому писателю, как солдату своего класса, нужно быть психологически мобилизованным, нужно быть на-чеку!

И. ЖИГА

Писатели, все на собрание!

9 декабря, в 18 час., в клубе писателей (ул. Воровского, 52) состоится собрание всех писателей ФОСи местного союза писателей.

Повестка дня: 1. Отчет писателей-членов МОССовета. 2. Выборы делегатов на областной и всесоюзный съезды печатников. 3. Разное.

Писатели, все на собрание!

Ячейка ВКП(б) ФОСи
Местного писателей

УНИЧТОЖЕН, РАЗВЕЯН ВРЕДИТЕЛЬСКИЙ ЧАД! ОБЕЗВРЕЖЕНЫ ВРАЖЬИ ТЕНЕТА И КЛЕТКИ!

И ГРОМКО СТУЧАТ И ПОБЕДНО СТУЧАТ МОЛОТКИ ПЯТИЛЕТКИ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРИВЕТСТВУЮТ ПРИГОВОР РАБОЧЕГО КЛАССА НАД АГЕНТАМИ ИНТЕРВЕНТОВ С НОВОЙ ЭНЕРГИЕЙ, С НОВЫМ ПОД'ЕМОМ БУДЕМ КРЕПИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СТРОИКУ СОЮЗА СОВЕТОВ

ВМЕСТЕ С АТАКУЮЩИМ КЛАССОМ

Собственник дает образование ребенку, дабы вооруженным бросить его в битву жизни. Девяносто девять процентов литературы происходит решительная встреча, что писатель стремится осуществить свое непосредственное участие в социалистическом насту-

плении, что разоблачаются до конца иллюзии мещанской замкнутости,ней-

трализма. Пролетарское литературное движение становится ведущим отрядом, своим опытом, своей практикой,

он — школа для всех эмбрионов нашей литературы, — полупутническое литературоведение все более переходит в движение союзническое.

Все это не означает ни на минуту, что тенденции мелкобуржуазной ограниченности, аполитичности, нейтрализации уже выкорчеваны окончательно, что они не существуют более для нашей литературы. Мы имеем дело с происходящим резким классовым размежеванием, что, возможно, разоблачается до конца иллюзии мещанской замкнутости,нейтрализма.

Пролетарское литературное движение становится ведущим отрядом, своим опытом, своей практикой,

он — школа для всех эмбрионов нашей литературы.

Только цепь уничтожения огромнейшее, недавно в истории человечества культуры, массы, школы для всех эмбрионов нашей литературы.

Процесс «промышленной партии» должен явиться для всех писателей, еще остающихся во власти пакистанских иллюзий, доказательством того, что борьба двух миров идет не на жизнь, а на смерть, что в каждом акте своего творчества он должен сознательно на ударижающихся еще тенденциях пакистана надо внимательно сопротивляться, они представляют существенный узел, это показательного, насколько высока боевая готовность нашей литературы.

Процесс «промышленной партии» должен явиться для всех писателей, еще остающихся во власти пакистанских иллюзий, доказательством того, что борьба двух миров идет не на жизнь, а на смерть, что в каждом акте своего творчества он должен сознательно на ударижающихся еще тенденциях пакистана надо внимательно сопротивляться, они представляют существенный узел, это показательного, насколько высока боевая готовность нашей литературы.

Двоещущий и суетливый, он пугает нас о том, с каким возвышением, с какой брезгливостью говорят Ленин о «социальных парадоксах» и опровергают их, говорят о «важности» и «важности».

Такой интеллигент, сын и слуга собственника, тридцать лет революции жив, непрерывно усиливая захваты, что борьба в беспощадном приговоре суда и страны. Поптыка тысячи слушателей на суде «промышленной партии», из которых на меньшинстве трети обрекалось на смерть от войск интервентов, руководили супорядок прокурора. Для них мелкий вопрос о «личной морали» сдвигается на «всех обстоятельствах».

— Кто-кого?

Это — самая большая, роющаяся в себе ямы, вспышка проблема великой эпохи, величайшего социального переворота.

И тот, кто пробует повернуть социалистическую страну на путь капитализма, будет пойман, уличен и может быть уверен, что только ему

(«единственный и его достопочтенный») «единственный и его достопочтенный»

Многим тысячам интеллигентов Советского Союза революция раскрыла глаза на классовую анатомию мира, указала место в борьбе, наполнила мозг идеей социализма. Многим, но не всем.

Многим

POIN(G) CARE

„КВАДРАТНЫЙ КУЛАК“

«Он почти государственный муж. Ибо он отличался прет» (Наполеон).

«Франция — страна синеватого разума и творческих мыслей, страна пра- ведных судей и философов гуманности» (Англ. Франс).

...Из Франции сделали республику крупных дельцов и ростовщиков, самое место президента республики добьетсяrostvostvostvom...

Так говорил Жорес, выступая на одном из политических процессов того времени, известно памятника на президенте республики Казимира Перре, ростовщика и банкира, владеящея сороками миллионами франков. И когда прервал председателя суда Жорес:

— Господин Жорес, не заходите слишком далеко, вы срываете дом президента республики с домом разгула и отвратительства...

Ливийским рыком оборвал его последний трибун мелкобуржуазного идеализма:

— Я не сравниваю, господин председатель, я считаю это ниже.

И вот в эту эпоху первые люди появлялись на политической сцене Франции: банды жаждущих карьеристов из провинции, скопища бледников, спешивших продать свою услугу финансовому капиталу, временно остававшемуся в связи с предстоявшими скандалами разоблаченными, без лидеров.

Среди этих бандитов и мародеров от политики был и Раймонд Пуанкаре.

Остроугольная, аккуратная, чистопильная, что называется «французская» бандита, какую можно было видеть в старое время на вывесках у мондных пакистанцев. Приятные, мягкие черты лица. И глаза — как полагается, симпатичные глаза. Все хорошо. Доброподобный буржуй. Но честность... в ранних портретах, когда борода не была, видна была честность. Тяжелая, упорная, жадная. Бывший в эту честность, сказал Дюма-саны о Раймонде Пуанкаре:

— Чорт возьми, этот, когда скажет кость, — не выпустит ее.

Впрочем, что я, ведь прекрасно изведено о Пуанкаре, что он очень добрые человек и в частности любит животных, а особенно домашних собачек и кошек. Собаку зовут Браво, кошечку Гри. Это о них он прогнес однажды одну из лучших своих речей.

Тошнота подступает к горлу, когда якими же словами, замененными на токи и напоминающими о вкусе сарина, говорит Пуанкаре не только о писце Гри-Гри, но открывает памятки тем милионам жертв, которые пали в войну, ту войну, к которой большему кто-либо из живущих людей положил свою руку Пуанкаре.

С бессознательной, но тем более явственной от того приоян говорит фотограф и панегист Пуанкаре — Анри Жиро: «Понтиче, в этих речах, по-видимому память кого-либо, ораторское искусство Раймона Пуанкаре пре- сходит самое самого себя».

Да, помимо, Пуанкаре прекрасный драматург.

Впрочем, «только Либратор!»

О нет, он «культивированный ум», «интеллигент», «артист». Он «остет в правительстве» и «принц мудрости». Несколько говорил о своем другом, что, сущности говоря, хотел бы он быть профессором литературы, и недаром его министр народного просвещения называл его «величайшим умом».

Вот этот бандит, изображенный на этом портрете, когда борода не была, видна была честность. Тяжелая, упорная, жадная. Бывший в эту честность, сказал Дюма-саны о Раймонде Пуанкаре:

— Чорт возьми, этот, когда скажет кость, — не выпустит ее.

Впрочем, что я, ведь прекрасно изведено о Пуанкаре, что он очень добрые

человек и в частности любит животных, а особенно домашних собачек и кошек. Собаку зовут Браво, кошечку Гри. Это о них он прогнес однажды одну из лучших своих речей.

И, конечно, тем, если не квадратным кулаком, мятые величия лягушки. Ну лад, да еще квадратный — вещь серебряная. Против него не выстоит «сияющий разум», о котором говорил А. Франс.

Но зато кулак без страха и упрека. Французские газетчики, умудренные и многоопытные, когда говорят о Пуанкаре всерьез без дураков, не могут не заметить:

Михаил Левидов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СНУТУ ГАМСУНУ ГЕРБЕРТУ УЭЛСУ РОМЭН РОЛЛАНУ

АЧАЛО СМОТРИ СТРАНИЦУ 1

1, конечно, социальные корни в этих видах. Они не могут быть затушеваны никакими формами художественного обогащения. Когда вы пишите рабочих, батраков, трудающихся, сыновей или другой трудящейся людьми каждой страны, вспоминается ваш монографический «Годол» и становитесь понятной модернистской скромностью не менее огромная ваша любовь к тому трудающимся человеку, трудающимся крестьянину, хотя бы какому-нибудь Исааку из «Соков земли». Статьи, пользуясь случаем сообщить, что такие крестьянско-единомышленники, ваши Исааки, у вас сейчас идут в кол... Это проще, яснее и выгоднее. Не сказавши, что это сделает в свое время Исааки... Ему незачем будет так по- ражному работать, как он работает у не нужно будет самому выкорчевывать дерево, которое при падении обойтись ему ух... Зачем? У нас это делают коллективно и никому не отрывается, и на трактор садится не такично, как это сделал тот же Исаак, оватительно стеснявшийся при этом х сыновей, а значитально раньше и южно. Стремление, что это сделает в свое время Исааки... Ему незачем будет так по- ражному работать, как он работает у не нужно будет самому выкорчевывать дерево, которое при падении обойтись ему ух... Зачем? У нас это делают

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

Кавказ. Сейчас бы вам пришлось быться совсем другое, в частности, я сплошной колхизацией сельского хозяйства на Северном Кавказе. В ответе на анкету нашего журнала «Землемер» вы пишете: «Землемер» пишется несколько лет назад книжку «Россия во мне». Не стильно вам теперь за эту книжку? Не пора ли вам признать, что в том «специалистом»

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между прочим. Если бы вы ехали к нам, вы видели бы, что это можем. Если бы были у нас, вы

и это между проч

